

В. И. Крyss³

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ РОССИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В своих публикациях мы неоднократно отмечали неоднозначную сдержанность российской юридической науки в отношении наиболее актуальных вопросов глобального кризиса современности. С одной стороны, ученые-юристы «благоразумно» воздерживаются от футурологии грядущего («при дверях») многополярного уклада, справедливо признавая первенство за представителями социальной философии, политологами, экономистами, учеными-международниками, а равно и специалистами в области искусственного интеллекта (ИИ) либо информационных технологий. С другой стороны, кто, как не юристы, ответствен за концептуализацию нового международного права, которое придет на смену номинально существующему? (Вопреки императиву прозападных «правил»), и если, конечно, удастся избежать радикальной фрагментации и депрессивной герметизации национальных правопо-

рядков.) Причем гипотетическое статус-кво в любом случае не будет следствием однократного акта, подобного Ялтинской или Потсдамской конференции. Сценарии третьей мировой войны не предполагают ее позитивного завершения. Исходя из этого, отечественная теория права должна ограничить свои спекулятивные «интервенции в будущее» рамками конституционного целеполагания гарантий национального суверенитета, с одной стороны, и обоснованиями поэтапного обновления российской государственности при сохранении приверженности идеалам права и «правовой разумности» (Гегель), ориентирующей на мирный диалог даже с наиболее одиозными контрагентами, — с другой. В сферу актуальных задач соответствующей конституционной теории входят перманентная модернизация и конституционализация национальной правовой системы.

Конституционализация национального права невозможна иначе как всеобъемлющим по отношению к правовой материи образом. Она нацелена на каждый из ее элементов (первичных и сложных), безотносительно к специфике их институционального места и функционального назначения. В том числе в перспективе онтологической консолидации национального и международного права⁴. Доктринальная обоснованность данной методологической посылки проявляется в формате реального конституционализма⁵. При этом некоторые элементы системы позитивного права «теряются» в фокусе теории конституционализации, к сожалению, несвободной, наряду с правоведением в целом, от стереотипов формальной нормативной опре-

³ Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор Тверского государственного университета. Автор 220 научных публикаций, в т. ч.: «Теория конституционного правопользования», «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации», «Злоупотребление правом: учебное пособие», «Конституционализация права: основы теории», «Конституционное правопонимание vs „юридической эпистемологии“»: Бьярн Мелкевик и „другие“, «Конституционный Суд РФ как „модератор“ и актор современной теории государства и права: постановка проблемы» и др. Член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, член Российской академии юридических наук, эксперт Российского гуманитарного научного фонда. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

⁴ См.: Крyss В. И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 43–45.

⁵ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма : ИНФРА-М, 2021. С. 34–40.

деленности. Поэтому следует приветствовать позицию тех авторитетных ученых, кто проецирует методологии конституционализации и на смыслообразующие элементы системы права, такие как общероссийские ценности¹. И, двигаясь дальше, идти — через принципиальное единство названных ценностей с целями общенародной жизнедеятельности — к юридической объективации и конституционализации государственных, в том числе внешних, функций.

Уточнение и «субординацию» внешних функций государства в зависимости от политической повестки дня российские (советские) ученые-юристы не находили предосудительной. Только драматический «закат» СССР позволил ответственно осознать проблему дуализма объекта познания (государства и права). Методологически корректно ее решение намечал переход к юридическому типу правопонимания, а значит, и сущностно единому, но структурно бинарному предмету теории права и государства. Онтологическое понятие права позволяло и обязывало мыслить в ряду правовых явлений и государство, его политические институты и практики (функционирование). Очень скоро, однако, начали проявлять себя деструктивные моменты новой познавательной парадигмы, а также ее неготовность прояснить многие из традиционных вопросов. В том числе в профильных исследованиях по-прежнему соседствовали трактовки государственных функций как направлений (объектов) воздействия², с одной стороны, и как юридических (организационно-правовых) форм осуществления таких действий³ — с другой. И именно в вопросе о внешних функциях они находили согласие.

В готовности неопозитивистов следовать при содержательной характеристике внешних функций Российской Федерации курсу теории государства и права периода развитого социализма нет ничего примечательного. Однако и В. С. Нерсисянц, например, отмечал, что внешняя функция современного суверенного правового государства включает в первую очередь деятельность по обеспечению обороноспособности страны и защиты населения от внешней агрессии и только дополняется «демократическим» набором целей международного сотрудничества, упрочения международного сообщества государств, «преодоления войн и укрепления мира народами»⁴.

Равным образом авторы, увлеченные перспективами познания права на базе постнеклассической методологии, приверженные образу государства в его социально-коммуникативной целостности, признают «важнейшей внешней функцией» такого (абстрактного) государства «оборону страны от агрессии другого государства и поддержание мирового правопорядка»⁵.

¹ См.: Зорькин В. Д. Под знаком обновленной Конституции: I Конституционная основа социальной интеграции России // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 4. С. 2–4.

² См., например: Сырых В. М. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 1998. С. 25.

³ См.: Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юрид. вузов и фак. М. : Издат. группа НОРМА–ИНФРА-М, 2023. С. 256–257.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ См.: Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. С. 534.

Уместность приведенных и подобных признаний последователей либертарного правопонимания и (или) эпистемологической аккумуляции сохранялась до тех пор, пока идеологема «конца истории» (Ф. Фукуяма) и перспектива «единого правопорядка» находили подтверждение своей истинности в «девятом вале» глобализации. Однако ко второму десятилетию XXI века ситуация начала стремительно меняться. И приоритетом научной трансляции становятся западные теории «стихийной и целенаправленной» интернационализации конституционного права. На первый план выходят международные обязательства государств в области прав человека, как своего рода дресс-код их допуска к цивилизованному сотрудничеству⁶. За скобками критического анализа оказывается практика либерально-просветительских проектов и программ правовой аккумуляции (в том числе с использованием военно-политических средств).

Отечественные теоретики права и конституционалисты, опираясь на переводы западных авторов, стремились внести свою лепту в обоснование того, каким образом результатом внешнего функционирования демократического правового государства может стать заимствование его опыта недостаточно развитыми странами⁷. Понятие «конституционная интервенция» витало в воздухе научных дискуссий «умиротворенного», казалось бы, времени. И ничего предосудительного в том не находили. Настораживала лишь асинхронность процессов транснационализации публично-властных полномочий и формирования глобального гражданского общества, которое полагали не утопией, но зримым гарантом планетарной демократии⁸.

К третьему десятилетию XXI века в мире стремительно нарастает всеохватывающая турбулентность. На неизбежность развенчания либеральной мифологии прав человека указала пандемия COVID-19. Она «заставила обратиться к процедуре дерогации» — временного отступления в чрезвычайных условиях от гарантий, установленных международными договорами, — «практически каждое десятое государство»⁹. С весны 2022 года кризис перерастает в военно-политическую конфронтацию России и коллективного Запада. Специальная военная операция (далее — СВО) прямо связала проблему сущности и конституционности внешних функций в России с целями обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55, ст. 56 Конституции РФ).

В своем подходе к этому вопросу мы опираемся на методологию конституционного правопонимания. Только соответствующая, конституционная по своей сути теория права и государства актуальна (и подлинна) для современной России. Предметом этой теории является и суверенное конституционное государство. Для его функций правовая форма значима и принципиальна в плане легитимности. Соответственно это-

⁶ См., например: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. С. 58–59, 114–122.

⁷ Там же. С. 73–75.

⁸ Там же. С. 166–167.

⁹ См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2021. С. 270–271.

му ни объективные факторы, ни эволюция общественных потребностей не могут входить в противоречие с национальной конституцией. Легитимные государственные функции должны быть конституционно объективированы. И столь же необходимо они предопределены и конкретизированы по направлениям сущностно однородной в конституционном спектре целей и задач властной деятельности. Это обуславливает возможность их научного осмысления и анализа с учетом общего требования конституционности. При этом наиболее точно смысл функционального конституционного должностования выражает понятие *публично-властного полномочия*. В России как суверенном конституционном государстве значение основных внешних охранительных и правозащитных публично-властных полномочий необходимо получают *военные* функции как достоверно противостоящие внешним угрозам и обеспечивающие сохранение народонаселения.

Очевидно, с каким предубеждением воспримут эти выводы поборники прогрессивного либерализма и (или) отвлеченного пацифизма. Однако суровая объективная реальность предполагает нечто большее, чем органическое возбуждение против неготовности удовлетворить чьи-то концептуальные пристрастия. К тому же и в западной политико-правовой традиции найдется немало примеров сходного восприятия проблемы. Можно для начала вслушаться в доносящийся из глубин Античности голос Гераклита, возвестившего уповающим на «все хорошее» согражданам, что «война — мать всего и отец всего». А если такая отсылка будет объявлена беспредметной, указать, например, на близкие, по сути, представления о военно-охранительных функциях государства — как имманентных его природе и социальному назначению — видного австро-германского ученого-юриста О. Эрлиха. Призывая отказать от метафизической дидактики, принципиаль-

ный оппонент этатизма и основоположник социологического правоведения подчеркивал, что по своему происхождению любое реальное государство — это военный союз, который состоит с юридической жизнью лиц в очень свободных связях. Государство исторически утверждает себя как «союз служилой знати нескольких родственных по языку племен, которые <...> долгое время служат на войне под общим руководством и за которыми следуют другие свободные люди». И далее: «...на каждой из ступеней его [государственного] развития военные интересы стояли на переднем плане»¹.

Подобные примеры легко продолжить, но дело не в персоналиях, а в том, в какой связи находятся такие высказывания с идейно-ментальной спецификой западной — до- и постхристианской — философской традиции, сложно сочетающей гностические, космополитические и русофобские интенции. Пусть не благодаря, но и не вопреки которым жизненно необходимым для России начиная с XII столетия оказывается особое по характеру военно-оборонительное противостояние внешним угрозам национальной безопасности и суверенитету: борьба за мир как война против войны, за ее сдерживание и прекращение.

Конститутирование 1993 года облекло названную задачу в основное полномочие Российского государства, конкретизированное в полномочиях-обязанностях его представителей, начиная с главы государства и высших органов власти до каждого военнослужащего, в свою очередь, актуализированных в положениях законодательства, касающегося СВО². С позиций теории и практики конституционализации начиная с февраля 2022 года все соответствующие полномочия и акты их реализации необходимо оценивать с учетом конституционной презумпции добросовестности при осуществлении конституционно необходимой национальной самообороны.

¹ См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. С. 180.

² См., в частности: Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410065/ ; Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 16-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410065/ ; Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [справ.-прав. система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 20.08.2024).